

Мы не имеем прямых указаний имперского посла Жеровского и иезуита Воты, получивших разрешение на устройство католической миссии и школы в Москве, о том, какой характер могла иметь эта школа. В своих донесениях они ограничиваются лишь общими ссылаками на данное право открыть школу.⁶ Однако варшавский папский нунций в донесении в Рим от 21 июля 1685 года со слов самого посла Жеровского дает понять, что школа была открытой и для русских детей. Посол я. обы передавал что дано разрешение «che la gioventu voda alla scuole e che non si ristringa a soli figli de cattolici e stranieri, ma abbracci tutti generalmente, sopra di che spero, havero quando prima una distinta informatione» («чтобы юношество посещало школу, которая не ограничивается приемом только сыновей католиков и иностранцев но принимает всех вообще, и я надеюсь, что тут юношество получит хорошее образование»). Следующая фраза нунция ясно показывает, какое значение придавал и он и иные заинтересованные католики этому факту «questo e l'unico modo di propagare la Religione in quelle parti, ove non ha maggior nemico che l'ignoranza» («ведь это — единственное средство пропаганды веры в этих краях, для нее нет большего врага, чем невежество»)⁷

Трудно думать чтобы уже первый московский иезуит Иоанн Шмит, позже, с 1689 года, видный деятель иезуитской школы в Пруссии (Рессель), не оценивал в этом именно смысле значение своей школы в Москве и удержался от приема в нее русских учеников. В первые дни 1686 года Шмиту грозило изгнание из России. Одной из причин этого, по указанию Т. Давида было обвинение в том, что Шмит якобы обучал детей бояр латыни. Патриарх же Иоаким боялся, как бы с наукой и латынью не потрясена была и вера.⁸ Давид категорически отрицал прием русских детей Шмитом. Однако сам он в это время в Москве не был. А между тем весьма естественно предполагать, что московские бояре постарались воспользоваться услугами иезуитов для обучения своих сыновей латыни, столь нужной тогда для участия в политической жизни Европы. С другой стороны, никак нельзя допустить, чтобы патриарх и его окружение, как бы неприятно для них ни было пребывание иезуитов на «святой Руси», просто выдумали факты. Угроза изгнания Шмита к тому же была связана, кажется, и с иными обстоятельствами, а именно с деятельностью иезуитов в Китае во вред Москве во время русско-китайского конфликта 1685 года (падение Албазина и т. д.)⁹

Были ли русские дети в среде учеников самого Давида и его товарища Тихавского в 1686—1689 годы, сказать трудно. Давид пишет, что у него в школе были «solommodo Catholicorum nostrorum proles, alias enim admittere vel allicere tutum non erat»¹⁰ («исключительно дети наших католиков, ибо прием иных был бы небезопасным»). Это утверждение в достаточно апологетическом сочинении Давида не может иметь решающего значения. Как раз при изгнании Давида и Тихавского осенью 1689 года патриарх мотивировал свое выступление против них тем, что они зазывали «в училища русских малых детей»¹¹. Последнее указание не может быть отнесено к 1688 году, как повторе-

⁶ Ср. А. Florovský, *Čeští jesuité na Rusi*, s. 117.

⁷ Ватиканский Архив, *Nunziatura di Polonia*, m. 104. Копия из собрания Е. Ф. Шмурло.

⁸ «Ne cum litteris et latinam instillet Religionem» («дабы с науками не внедрилась и римская вера»), G. David, *Status modernus Magnae Russiae*, л. 6.

⁹ Ср. А. Florovský, *Čeští jesuité na Rusi*, s. 306.

¹⁰ G. David, *Status modernus Magnae Russiae*, л. 24, А. Florovský, *Čeští jesuité na Rusi*, s. 145.

¹¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, VII СПб., 1864, стр. 821, 825—826, А. Florovský, *Čeští jesuité na Rusi*, s. 156, 271.